

Н.А. Портнягина, Д.И. Портнягин

КАДЕТЫ И БРИТАНСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ В РОССИИ: ДВА ВЗГЛЯДА НА РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОР В 1905–1907 гг.

Сравниваются взгляды дипломатических представителей Великобритании в России и кадетов на террор в период Первой русской революции. На основании неопубликованных архивных материалов авторы показывают причины и особенности формирования крайне негативной оценки революционного террора британскими дипломатами, которая разительно отличалась от подхода к проблеме членов партии конституционных демократов, отказывавшихся осудить акты насилия против представителей власти.

Ключевые слова: революционный террор; террористические акты; британские дипломаты; революция 1905–1907 гг.; кадеты; I и II Государственные думы; А. Николсон.

С конца 1980-х гг. в отечественной историографии появилось значительное количество работ, посвящённых революционному террору в России конца XIX – начала XX в., которому в советский период внимания практически не уделялось. Сейчас достаточно хорошо изучены причины появления террора в русском освободительном движении и его идеология [1], история боевой организации эсеров [2–4], особенности террора в различных областях Российской империи [5–7], борьба с террором охранных отделений [8–10]. Рассмотрен террор и в информационно-семиотическом контексте [11], показано его влияние на выборы в I и II Государственные думы [12]. В последнее время появляются статьи и защищаются диссертации, освещающие наименее разработанную в историографии проблему восприятия террора российским обществом [13–16]. К наиболее значительным зарубежным исследованиям истории террора в России относятся труды англоязычных историков, прежде всего фундаментальная работа А. Гейфман, в которой автор, используя широкий круг источников, впервые в историографии показала масштаб и место революционного террора в общественно-политической жизни Российской империи конца XIX – начала XX в. [17]. Однако изучение революционного террора далеко от завершения. Многие аспекты ещё не исследованы или изучены достаточно слабо. Так, проблема восприятия британскими дипломатами революционного террора в России в период первой революции никогда не становилась предметом специального исследования. Известно, что британская либеральная пресса приветствовала русскую революцию, связывая с ней надежду на изменение политического режима в стране, поэтому террор она не осуждала. Однако британские журналисты зачастую поверхностно судили о ситуации в России, между тем как дипломаты были о ней хорошо осведомлены. В этой связи возникает ряд вопросов: как представители британского дипломатического корпуса оценивали террор, какие обстоятельства влияли на эту оценку, отличались ли их суждения о терроре от взгляда на эту проблему журналистов? Большой научный интерес, на наш взгляд, представляет сопоставление позиции британских дипломатов по отношению к террору и взглядов на эту проблему левых либералов России – кадетов, для которых британский конституционный порядок был об-

разом для подражания. Данная статья представляет собой первую попытку подобного сравнения. Источниками для нашего исследования стали материалы, отложившиеся в Британском национальном архиве, а также периодическая печать того времени.

Одной из основных форм борьбы революционеров с властью в 1905–1907 гг. стал террор. К ней прибегали как эсеры, так и социал-демократы, поэтому в этот период террор буквально захлестнул страну. Так, число террористических актов только в 1907 г., по статистике департамента полиции, составило 3 487 [2. С. 129]. Террористические атаки революционеров были направлены, прежде всего, против представителей власти и правых общественных деятелей. Этот метод революционеры применили и для оказания влияния на выборы в I и II Государственные думы [12]. Террор стал обыденным фоном жизни русского общества в период революции, в террористов играли даже дети. Один из информаторов британского посла А. Николсона, почётный президент нескольких русских гимназий, с удивлением рассказывал ему, что мальчики 14–15 лет писали письма, в которых требовали смерти друг друга. Посол справедливо заметил на это, что «в виду того, что многие преступления совершаются молодёжью, подобные угрозы нельзя считать безвредными юношескими глупостями» [18. Р. 1]. Действительно, по данным А. Гейфман, около 22% всех террористов-эсеров относились к возрастной группе от 15 до 19 лет, а 45% – от 20 до 24. В Белостоке в 1905 г. был создан боевой отряд школьников – членов эсеровской партии. Больше всего несовершеннолетних молодых людей до 14 лет встречалось среди анархистов [17. С. 240–241].

Невероятный размах террора в империи был связан с тем, что значительная часть общественности не осуждала его. Негативное по отношению к террору общественное мнение формировала лишь правая и праволиберальная, октябристская, пресса [15. С. 191–200]. Левые либералы и их пресса полагали тогда, что ради достижения власти можно использовать любые средства, включая сотрудничество с левыми партиями. Этой тактики левые либералы придерживались в течение всей революции, именно она не позволила им осудить террор. В конце 1905 г. кадеты пришли к выводу, что сейчас «не время борьбы с крайними партиями. Кто хочет бороться с революцией, тот должен

выйти из партии» и из политической жизни [19. С. 44]. Летом 1906 г. они придерживались той же позиции: «...теперь наступает момент решительной схватки народа с правительством... Прежде с левыми нельзя было вести переговоров. Теперь они многому научились... Мы не сочувствуем их тактике. А результатами пользуемся и поджигаем» [19. С. 111]. Правда, многие кадеты, по-видимому, все же сочувствовали террористической тактике левых. Когда на 3-м съезде кадетской партии стало известно о покушении на жизнь адмирала Ф.В. Дубасова, раздались аплодисменты. «Догадавшись о некорректности такого выражения чувств, председательствовавший в это время съездом Винавер объявил, что аплодисменты – во время перерыва» [20. С. 357].

В I и II Государственных думах проблема террора вызвала ожесточенные дискуссии. Еще до открытия I Думы на 2-м съезде кадетской партии Ф.Ф. Кокоскин в докладе «О тактике в I Государственной Думе» предложил бороться в парламенте за полную политическую амнистию [21. С. 75–76], распространяющуюся и на террористов. На 3-м съезде кадеты приняли соответствующее постановление [21. С. 249]. В I Думе их фракция, опираясь на трудовую группу, отклонила предложение правых либералов осудить террор. Террористы в речах парламентариев-кадетов представляли героями, совершившими наивысший подвиг, отдав жизнь «за други своя» [16. С. 32]. Перед открытием II Думы ЦК партии кадетов за небольшим исключением также проголосовал за невозможность осуждения террора в Думе по политическим соображениям [19. С. 176–177]. Заявление о порицании революционного террора, которые правые депутаты внесли на рассмотрение Думы, кадетская фракция расценила как провокацию, как желание правых добиться роспуска Думы и отказалась его поддержать [22].

Позиция партии в отношении террора нашла отражение и в её печати. Так, газета «Речь» в период революции на своих страницах поместила немного статей о терроре. Терракты против государственных служащих газета оставляла без комментариев. Она критиковала, в основном, насилие и произвол правительства по отношению к населению, которые называла «правым террором». В особой рубрике «Репрессии» печатались сведения о неправомерных, с точки зрения публицистов, действиях власти, например, такие: «Чернигов, 28 февраля 1906 г. Покушавшийся на жизнь нежинского исправника и помощника начальника жандармского управления бывший гимназист Гелецкий приговорен на пять лет и 4 месяца к каторжным работам» [23]. Террористов газета изображала героями, хотя политические убийства всегда называла «ужасным социальным злом, развращающим правосознание народа», положить конец которому может лишь амнистия [24].

В мае 1906 г. в «Речи» вышла большая программная статья Н.А. Гредескула, выражавшая отношение кадетов к террору. Автор заявлял, что партия будет оценивать террор не с нравственных, но исключительно с политических позиций. Виновником террора в России объявлялась власть, а революционный террор – лишь ответом на террор справа: «Перед нами –

справа – такие насильники и террористы, перед которыми совершенно бледнеют все левые террористы». В статье давалась единственно возможная, с точки зрения кадетов, рекомендация по прекращению террора: «Мы пришли, чтобы от имени народа сказать: политическое положение страны требует... полного прощения тех, кто прибегал к насилию слева; полного удаления тех, кто прибегал к насилию справа» [25. С. 1–2]. Таким образом кадеты в период революции 1905–1907 гг. не только не осудили террор, но, по существу, способствовали его эскалации, что существенным образом затрудняло превращение политического строя России в конституционную монархию английского типа, о котором мечтали кадеты.

Пристальными наблюдателями за политической ситуацией в России в период революции 1905–1907 гг. были британские дипломаты. В 1904–1906 гг. британским послом в России был Ч. Хардинг. Именно он дал первые оценки начавшейся в России революции. В мае 1906 г. его сменил А. Николсон, которого связывали с Ч. Хардингом дружеские отношения [26. Р. 206]. Перед британской дипломатией в этот период стояла важная задача заключения соглашения с Россией, сторонниками которого были министр иностранных дел Великобритании Э. Грей и Ч. Хардинг. А. Николсон ещё в 1886 г., будучи послом в Персии, высказывался за заключение такого соглашения как за идеальное решение проблем двух стран в Персии. Тогда эта идея не нашла поддержки [27. Р. 526–527]. Теперь решение этой задачи затрудняла как начавшаяся в России революция, так и негативное в отношении царского режима общественное мнение Великобритании [28. Р. 48]. Британские элиты воспринимали Россию как «варварское, авторитарное государство, отрицающее все свободы для своих подданных и использующие наиболее жестокие методы подавления свободы слова и мысли» [26. Р. 207]. Пресса Великобритании резко отреагировала на роспуск I Государственной думы, что вызвало большое раздражение у русских властей. Это значительно осложнило задачу нового посла. 6 августа 1906 г. он записал в дневнике: «Два месяца назад были все надежды, а теперь их очень мало. Когда я заметил Извольскому, что хотел бы иметь его общий взгляд на Персию, он посмотрел пусто и ответил, что вообще не имеет никаких взглядов по этому вопросу» [29]. Прибыв в Россию в очень непростой период, А. Николсон должен был быстро разобраться в политической ситуации новой для него страны, чтобы решить главную задачу – подписание соглашения между двумя странами.

Британские дипломаты испытывали в это время в России большие трудности. Дипломатический корпус был небольшим, и его члены не имели возможности сами добывать информацию о состоянии дел в провинции. Чтобы решить проблему сбора информации о стране, была перестроена организация консульской службы. Ещё Ч. Хардинг обязал консулов лично предоставлять отчёты об общественно-политической ситуации в России [28. Р. 108]. Несмотря на то, что консулы не были профессиональными дипломатами, они с энтузиазмом откликнулись на запрос. Наиболее подробные доклады присылали генеральный консул в

Варшаве А. Мюррей, консул в Москве М. Гроув и консул в Риге А. Вудхауз [28. Р. 109].

Неоценимую помощь в первое время А. Николсону оказали эксперты по России. Одним из таких экспертов стал корреспондент «Дейли телеграф», выдающийся лингвист Э.Дж. Диллон. С 1889 г. он писал статьи о России для британских журналов. Вторым экспертом, услугами которого пользовался А. Николсон, был Б. Парес, один из основоположников британских академических штудий о России. Он имел много друзей среди русских либералов [27. Р. 530]. Кроме того, новому послу очень помог его личный друг, корреспондент газеты «Таймс» Д.М. Уоллес. Первый раз Д.М. Уоллес приехал в Россию еще в 1870 г. Он долго жил здесь, прекрасно знал русский язык, русскую историю и литературу, был знаком с Николаем II. О России журналист написал книгу, которая выдержала в Великобритании несколько изданий [30]. По приглашению А. Николсона с июля 1906 г. Д.М. Уоллес семь месяцев находился в посольстве, помогая своему другу знакомиться с новой для него страной. Информацию он получал из источников, обычно закрытых для дипломатов [26. Р. 212].

По своим взглядам А. Николсон был «британским либералом», и его симпатии изначально были на стороне Думы [26. Р. 224]. Однако, изучив социально-политическую обстановку в России, он пересмотрел свои взгляды в отношении русского парламента и либеральных партий. О кадетях он писал Э. Грею в январе 1907 г.: «...они более доктринёры, чем практики... Они любят дискутировать по абстрактным политическим теориям, а не заниматься решением неотложных дел» [31. Р. 1–2]. Безусловно, большое влияние на формирование взглядов А. Николсона о России оказал и Д.М. Уоллес, считавший, что «Россия может быть реформирована только постепенно и сверху» [26. Р. 224]. Однако нельзя забывать, что первоочередной задачей А. Николсона, как справедливо пишет К. Нейлсон, было подписание соглашения между двумя странами. Для успешного завершения этой миссии необходима была умеренная Дума и завершение революции. Реформы П.А. Столыпина, по мнению А. Николсона, могли бы не только справиться с революцией, но и создать предпосылки для успешного завершения переговоров по соглашению [27. Р. 534]. Именно этот фактор во многом предопределил отношение нового посла к событиям в России в 1906–1907 гг. в целом и к террору в частности.

Террор, ставший серьёзным политическим фактором жизни революционной России, затронул и дипломатов. Их жизни, как и жизни российских подданных, подвергались опасности. Так, возле квартиры британского Генерального консула в Варшаве А. Мюррея в июле 1906 г. дважды были совершены теракты. Первый раз террористы покушались на жизнь генерала — председателя военно-полевого суда, который приговорил семерых революционеров к расстрелу. Имена участников военно-полевых судов держались тогда в строгой тайне, но все же они нередко становились известными террористам, главным образом, через нижние чины, переписывавших бумаги, конвоировавших осужденных и т.д. [32. С. 39]. Генерал был тяжело ра-

нен, а его жена убита. Второй теракт произошёл прямо под окнами квартиры консула во время его ланча, был убит рабочий. А. Мюррей писал: «Если бы я в обычное время вернулся на ланч, я мог бы легко получить выстрел...» [33. Р. 2–3]. 17 сентября 1906 г. А. Мюррей сообщал министру иностранных дел Великобритании Э. Грею, что в связи с ожидаемыми в ближайшее время массовыми убийствами евреев в Варшаве социалисты открыто заявили о намерении убить консула, чтобы «спровоцировать иностранную интервенцию», причем всеобщая уверенность в том, что это действительно произойдет, была настолько велика, что многие работники дипслужбы покинули город. Мюррей, по его признанию, всегда скептически настроенный «относительно беспорядков, о которых заранее говорят», тем не менее, сообщал своему руководству, что в случае осуществления неблагоприятных прогнозов, «дубликаты ключей от консульского сейфа находятся в посольстве в Берлине» [34. Р. 1]. Грей просил британского посла информировать об этих намерениях министра иностранных дел России и принять меры по защите генконсульства Его величества [35. Р. 1]. Мюррей не был убит, а вот итальянский вице-консул М. Доллорсо был убит террористами в Бердянске летом 1907 г. [36. Р. 4].

9 сентября 1906 г. в Баку было совершено покушение на британского вице-консула Л. Эркарта, бывшего одновременно и исполнительным директором нефтяных компаний в Баку. Он занимал твердую позицию в отношении склонных к насильственным действиям агитаторов, призывающих рабочих продолжать борьбу против предпринимателей [37. Р. 1–2]. Эркарт получал угрожающие письма и, наконец, вечером 9 сентября на одной из главных улиц Баку террорист шесть раз выстрелил в него. Однако вице-консул практически не пострадал и даже пытался догнать стрелявшего [38. Р. 1]. Подобные угрозы получал и вице-консул Британии в г. Кутаиси в сентябре 1906 г. [39. Р. 1]. От террора пострадали и многие британские специалисты, работавшие в это время в России. Например, в октябре 1906 г. рабочий, социалист-анархист В. И. Корнеев убил техника Шеридана, сотрудника «Nevsky Thread Mill» в Петербурге [40. Р. 1]. Не случайно, когда 28 мая 1906 г. новый посол Британии в России А. Николсон прибыл в страну, он обнаружил, что «британские корреспонденты, члены британской колонии могли говорить только об убийствах, поджогах и грабежах» [26. Р. 211].

Британские дипломаты вполне ясно понимали размеры такого бедствия, как террор. Так, консул в Риге А. Вудхауз сообщал Э. Грею: «...недавно я еще полагал, что оценки, которые даются газетами, должны быть, слишком преувеличены и что терроризм, столь живо описанный корреспондентами прессы, существует только в их богатом воображении, но я дал себе обязательство провести персональное исследование того, что действительно имело место в сельских районах. С этой целью я в течение последних нескольких недель посетил сельскую местность в Ливонии и Курляндии. То, что я увидел и извлек из источников, на которые можно положиться, подтверждают все, что я читал в газетах» [41. Р. 1].

Таким образом, террор стал сквозной темой в донесениях британских дипломатов. Консулы подробно писали о многочисленных терактах в провинции России. Наиболее подробные донесения принадлежали генеральному консулу в Варшаве А. Мюррею. 16 августа 1906 г. он даже отослал послу в Петербург таблицу террористических актов в отношении полиции и армии за один день, 15 августа 1906 г., в Польше. Он называл этот день «ужасным, с точки зрения беспрецедентного числа убитых полицейских», всего же в этот день от терактов в Польше, по его подсчетам, пострадали более 200 человек [42. Р. 1]. По наблюдениям А. Мюррея, из-за террора число полицейских в Польше значительно сократилось, часть из них были убиты, другие покидали службу из-за страха быть убитыми. В полиции остался один костяк, причем каждый полицейский требовал себе обязательную охрану из двух и более солдат. Жертвами террористов, с точки зрения консула, становились либо те, кто передавал информацию полиции, либо те, кто отказывался присоединиться к забастовкам [33. Р. 1].

Консул в Риге А. Вудхауз писал Э. Грею о размахе террора в Балтийских провинциях в конце 1906 г.: «Терроризм опять поднимается в Балтийских провинциях, грабежи и убийства ежедневно», «в городах, особенно в Риге, жители живут в постоянной тревоге, бизнесмены в растерянности относительно того, что делать, в виду растущей небезопасности жизни и собственности», в сельской местности «терроризм распространяется в каждое село и деревушку». По его наблюдениям, население провинции настолько запугано, что его сотрудничество с властью с целью обуздания терроризма исключено [41. Р. 1].

Дипломаты отмечали изменившийся характер террора, который левые партии в процессе революции практически перестали контролировать. Часто к террору прибегали не революционеры, а уголовники. «Грабители считают выгодным грабить под предлогом сбора средств на революционные цели, личная месть происходит под вывеской политического убийства», – писал генеральный консул Смит Э. Грею из Одессы [43. Р. 1]. А. Вудхауз отмечал, что если в Прибалтике в 1905 г. террор был направлен исключительно против знати, то сейчас против любого, у кого есть, что терять, но в особенности, против тех «кто год назад отказался присоединиться к революционной партии» [41. Р. 1]. Эти наблюдения вполне соответствовали действительности. Боевая организация эсеров не была их единственным террористическим образованием в период революции. Эсеры имели множество летучих боевых отрядов и дружин, которые действовали или по приказу местных комитетов партии эсеров, или по собственной инициативе. Если Боевая организация эсеров специализировалась на политических убийствах, то эсеры в провинции занимались и экономическим террором: грабили государственные учреждения и частных лиц. К тому же от партии эсеров в начале 1906 г. отделились эсеры-максималисты, превратившие террор в массовые убийства [17. С. 84, 106]. Да и ЦК социал-демократической партии плохо контролировал своих боевиков.

Террор и террористы в донесениях дипломатов описывались всегда отрицательно: террор как преступление и «ужасный акт» [44. Р. 1], террористы как «мошенники» [45. Р. 1], «банды подлецов» [41. Р. 1], «банды вооружённой молодёжи» [46. Р. 1], «выглядят подлецами» [47. Р. 1]. Консулу из Ростова-на-Дону террористы представлялись «небольшой группой людей, которые совершают свои дьявольские дела с безнаказанностью, связанной с малодушием, трусостью и инерцией людей, которые проклинают их открыто, но не рискуют своей жизнью, чтобы помочь полиции» [47. Р. 1]. В связи с терактом на Аптекарском острове посол А. Николсон размышлял о причинах террора в России. По его мнению, террор являлся, во-первых, средством борьбы революционеров за власть: «Революционеры вообще не заботятся о конституциях, думах или реформах, их единственная цель, путем постоянного безжалостного террора и насилия, попытаться сделать любое управление невозможным и проложить путь к социалистической республике...» [44. Р. 2]. А во-вторых, их мстью власти, которая арестовывала комитеты революционеров, захватывала бомбы и динамит в Петербурге и Москве [44. Р. 1–2].

Невероятный размах террора дипломаты связывали с мягкостью власти и приостановкой деятельности военно-полевых судов [48. Р. 1; 49. Р. 1]. Вице-консул в Керчи писал А. Николсону в частном письме по поводу приостановки действия военно-полевых судов в городе в начале 1907 г.: «...у нас есть мало оснований поздравлять себя с ликвидацией этих судов, которые держали криминальные элементы в узде, а мирных граждан касались только тогда, когда затрагивались газеты, бывшие в чёрных списках. В течение последних нескольких дней произошло около полудюжины ужасных страшных убийств в городе, целью которых был грабёж» [50. Р. 1]. С точки зрения дипломатов, введение военного положения в тех или иных районах страны сдерживает террор и имеет «успокаивающий эффект» [37. Р. 1]. Николсон не разделял мнения оппозиционных власти русских газет в отношении того, что в период работы I Думы число политических убийств сократилось. Он передавал в Лондон информацию «Нового времени», одной из самых популярных газет России, согласно которой за период подготовки I Думы и её первой сессии было убито 3 генерал-губернатора, 4 вице-губернатора, 2 полковника, комендант Севастополя и многие другие, а также данные других русских изданий, указывающих, что жертвами террора за этот период стал 1 421 человек [51. Р. 1].

В росте террора в России после роспуска II Государственной думы дипломаты винили и саму нижнюю палату, которая не осудила террор [36. Р. 4]. Николсон критиковал тактику партии кадетов в Думе, их отношение к правительству и террору. Он верно заметил, что кадеты не осудили террор, так как боялись порвать с левыми. Вместе с тем посол сомневался в возможности сотрудничества экстремистов с кадетами и в его выгоде для либералов. По его мнению, даже в случае осуществления подобного альянса кадеты не смогли бы «в какой-то момент отделить себя от радикалов и оставить поле за собой» [52. Р. 1]. Сим-

птии дипломатов были на стороне более умеренных партий, которые выступали против насилия и пытались добиться необходимых реформ мирными законными средствами. Правда, некоторые из них, по ошибке, относили социал-демократов к партиям, пытавшимся «достичь своих целей мирными средствами и осуждающих насилия» [53. Р. 1].

У британских дипломатов не вызывала сомнения необходимость со стороны правительства подавлять террористические атаки [36. Р. 4]. Николсон писал министру иностранных дел Великобритании в сентябре 1906 г.: «Решительная политика со стороны правительства необходима. Военно-полевые суды – жестокая необходимость» [54. Р. 1]. В большом докладе на имя Э. Грея, характеризующая внутреннюю ситуацию в России в 1906 г., он отмечал, что план П.А. Столыпина, направленный на одновременное подавление революционных беспорядков и осуществление реформ, представляется ему разумным и достигшим определенного успеха. «Не думаю, – писал посол, – что Столыпина можно порицать за те меры, которые он принял, он боролся с большим и все возрастающим злом, и, хотя военно-полевые суды являются скорыми и поэтому возможны ошибки, я не думаю, что они слишком превысили власть, данную им» [55. Р. 1–2]. Послу импонировало, что премьер действовал против террора не только силой, но и реформами. 6 сентября 1906 г. А. Николсон был приглашен к П.А. Столыпину, который поделился с ним трудностями борьбы с террором и выразил уверенность, что с ним скоро будет покончено, так как его правительство подготовило программу реформ, в то время как I Дума таковой программы не предложила. Столыпин сказал тогда британскому послу: «Правительство готовится сохранить порядок и не даст себя терроризировать убийствами чиновников» [56. Р. 1]. Программу реформ для II Думы А. Николсон назвал «большим и примечательным документом», выразив при этом опасение, «что оппозиционная пресса займет скептическую и критическую позицию» по отношению к ней [56. Р. 1–2].

Правда, после введения военно-полевых судов в августе 1906 г. А. Николсон в дневнике отметил, что эта мера может привести к злоупотреблению полицией и военных властей [26. Р. 229]. Военно-полевые суды вызывали у посла двойственную оценку. С одной стороны, по его мнению, они не могли бы сдерживать крайних террористов, готовых «пожертвовать собственными жизнями для продвижения дела, которому они посвятили себя со всей горячностью христианского мученичества», однако произвели бы «сдерживающий эффект» для ряда других, менее фанатичных террористов. С другой стороны, А. Николсон отмечал, что быстрота, с которой рассматривают дела военно-полевые суды вызывает «чувство неприятия и отвращения к подобным методам» [57. Р. 1]. Особое мнение о политике правительства в отношении террора было лишь у консула из Батуми. С его точки зрения, именно жесткие меры правительства против революционеров, роспуск I Думы вызывали террор как от-

ветную меру. Справиться с ним можно было бы лишь отказавшись от «подобных методов» [58. Р. 1–2]. Однако 3 ноября 1906 г. и он был вынужден признать, что в Батуми режим военно-полевых судов привел к «затишью» [59. Р. 1].

Анализ дипломатической переписки показал, что британцы, в отличие от русской леволиберальной общественности, крайне негативно оценивали революционный террор. Это было обусловлено двумя обстоятельствами. Прежде всего, террор мешал сближению двух стран и подписанию между ними внешнеполитического соглашения, для решения этой задачи необходимо было установление гражданского мира в России. Во-вторых, британские дипломаты полагали тогда, что реформирование России предпочтительнее осуществлять конституционным путем, оставаясь в рамках закона, поэтому революционное насилие воспринималось ими враждебно. Они приветствовали решительные действия правительства по подавлению террора, а мягкость власти, напротив, расценивали как причину его невероятного размаха. Даже введение военно-полевых судов премьер-министром П.А. Столыпиным, направленных, прежде всего, против террористов, было воспринято британцами как адекватная мера борьбы с таким «злом», как террор, хотя они и отмечали возможные негативные следствия этой меры.

Такая оценка революционного террора британскими дипломатами способствовала, среди прочего, сближению Великобритании с правительством П.А. Столыпина и, в конечном итоге, содействовала успешному подписанию англо-русского соглашения 1907 г. Британская приверженность законности была чужда левым либералам России. Они полагали, что в борьбе за конституционный строй, подобный британскому, возможно использовать любые средства. Их отношение к террору серьезным образом препятствовало проведению либеральных реформ. Кадеты были увлечены борьбой более, чем идеей преобразования страны. Между тем эта их чрезмерная склонность к борьбе с властью, нежелание искать с ней компромисса в деле создания новой России, следование отвлеченными теориями вызывали непонимание со стороны британских дипломатов-практиков, таких же приверженцев либеральной идеи. В конечном итоге выбранная кадетами линия поведения, при которой практически любой представитель власти рассматривался как нерукопожатный, привела к тому, что они оказались неспособными помочь мирному реформированию государства в направлении столь ими любимой либеральной демократии британского образца, но и от революционного движения они оказались совершенно изолированы. Оно полностью попало под контроль радикальных сил, расстреливавших насилие как главный инструмент переустройства общества. Повторение кадетами тех же ошибок в 1917 г. привело к трагическим последствиям и построению в России вместо конституционной монархии или парламентской республики государства нового типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. Вторая половина XIX – начало XX в. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 399 с.
2. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 512 с.
3. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 624 с.
4. Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 239 с.
5. Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000.
6. Рыбкин А.А. Политический терроризм в провинции в 1905–1907 гг.: на материалах Костромской, Тверской, Ярославской губерний : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2007.
7. Серебренников И.П. Политический террор и экспроприаторская деятельность революционных партий и организаций в Восточной Сибири в 1900 – феврале 1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2000.
8. Суворов А.И. В противоборстве с террористами (из истории борьбы правоохранительных органов дореволюционной России с политическим терроризмом). М. : Юнити-Дана, 1999. 240 с.
9. Сучков Е.Н. Центральный аппарат и механизмы управления политическим сыском Российской империи в 1898–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
10. Трошин Н.В. Административно-полицейские органы царской России в борьбе с экстремизмом и террором во второй половине XIX – начале XX веков : автореф. ... канд. ист. наук. Владимир, 2000.
11. Петухов В.Б. Информационный дискурс терроризма в контексте художественной рефлексии. М. : URSS, 2010. 206 с.
12. Портнягина Н.А., Патрикеева О.А. Революционный террор в России: влияние на ход и результаты думских избирательных кампаний (1905–1907 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 144–149.
13. Носков М.А. Российский терроризм начала XX века в восприятии общества : дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
14. Пазин Р.В. Революционный терроризм и либерализм в России начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2015.
15. Портнягина Н.А. «Нельзя совместить конституцию с насилием...»: взгляды октябристов на террор в период революции 1905–1907 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 2. С. 191–200.
16. Портнягина Н.А. «Партия никогда не позволяла себе ругаться над террористами»: политический террор в оценке кадетской партии в период революции 1905–1907 гг. // Вестник славянских культур. 2014. Т. 31, № 1. С. 30–37.
17. Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М. : КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с.
18. A. Nicolson to Edward Grey. 28 July 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/127. № 26849.
19. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: в 6 т. М. : Прогресс – Академия, 1994. Т. 1. 528 с.
20. Голицын М. В. Мои воспоминания (1873–1917). М. : Русский мир: жизнь и мысль, 2007. 768 с.
21. Съезды и конференции конституционно-демократической партии : в 3 т. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. Т. 1. 774 с.
22. Портнягина Н.А. Революционный террор в оценке кадетской фракции Государственной думы второго созыва // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность : сб. науч. ст. междунар. науч. конф. СПб. : ЭлекСис, 2015. Т. 1. С. 185–193.
23. Речь. 1906. 28 февраля.
24. Амнистия // Речь. 1906. 3 мая.
25. Гредескул Н.А. Политическое лицемерие // Речь. 1906. 12 мая.
26. Nicolson H. Sir Arthur Nicolson. First Lord Carnock. A Study in the Old Diplomacy. L. : Constable & Co Ltd., 1937. 456 p.
27. Neilson K. «My Beloved Russians»: Sir Arthur Nicolson and Russia, 1906–1916 // The International History Review. 1987. Vol. 9, № 4. P. 521–554.
28. Hughes M. Diplomacy before the Russian Revolution. Britain, Russia and the Old Diplomacy, 1894–1917. N.Y. : St. Martin's Press, 2000. 207 p.
29. Nicolson's journal as ambassador, St. Petersburg. 6 August 1906 // United Kingdom National Archives. PRO 30/81/13.
30. Wallace D.M. Russia. L. : Cassel and Company, 1905. Vol. I. 456 p.; Vol. II. 487 p.
31. A. Nicolson to Edward Grey. 9 January 1907 // United Kingdom National Archives. FO 371/320. № 2247.
32. Полянский Н.Н. Эпопея военно-полевых судов. М. : Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 109 с.
33. Consul-General Murray to A. Nicolson. 13 July 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/127. № 24889.
34. Consul-General Murray to Sir Edward Grey. Warsaw. 17 September 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 31666.
35. Edward Grey to A. Nicolson. 19 September 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 31666.
36. A. Nicolson to Edward Grey. Summary of Events in Russia during the fortnight ending. 19 June 1907 (Bentinck C.H.) // United Kingdom National Archives. FO 371/318. № 20735.
37. Vice-Consul Urquhart to Sir A. Nicolson. Baku. 1 August 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/127. № 28259.
38. A. Nicolson to Edward Grey. 10 September 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/127. № 31323.
39. Joseph Gardner to Principal Secretary of State for Foreign Affairs. Liverpool, 8 October 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/129. № 34152.
40. A. Nicolson to Edward Grey. 30 October 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/129. № 36888.
41. Council Woodhouse to Sir Edward Grey. Riga. 4 October 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/129. № 33967.
42. Consul-General Murray to A. Nicolson. Warsaw. 16 August 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 28583.
43. Consul-General Smith to Sir E. Grey. Odessa. 10 January 1907 // United Kingdom National Archives. FO 371/320. № 1621.
44. Nicolson A. to Edward Grey. 26 August 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 29415.
45. Council Woodhouse to Sir Edward Grey. Riga. 28 May 1907 // United Kingdom National Archives. FO 371/320. № 17868.
46. Consul-General Bagge to Edward Grey. Одесса. 6 September 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/127. № 30811.
47. Consul Medhurst to Edward Grey. Rostov on Don. 1 September 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/127. № 30672.
48. A. Nicolson to Edward Grey. Summary of Events in Russia for the fortnight ended. 6 June 1907. (Claud Russell) // United Kingdom National Archives. FO 371/318. № 18927.
49. Council Woodhouse to Sir Edward Grey. Riga. 12 November 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/129. № 38678.
50. A. Nicolson to Edward Grey. Summary of Events for the fortnight ended 14 Mart 1907. (Claud Russell) // United Kingdom National Archives. FO 371/318. № 8615.
51. A. Nicolson to Edward Grey. 25 September 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 32934.
52. A. Nicolson to Edward Grey. 30 August 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 29749.
53. Consul-General A. Murray to A. Nicolson. Warsaw. 24 July 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/127. № 26845.
54. A. Nicolson to Edward Grey. 10 September 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 31324.
55. A. Nicolson to Edward Grey. 1 January 1907 // United Kingdom National Archives. FO 371/318. № 571.
56. Nicolson to Edward Grey. 7 September 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 30374.

57. A. Nicolson to Edward Grey. 14 September 1906. Telegram № 690 // United Kingdom National Archives. FO 371/129. № 36316.

58. Consul Stevens to Edward Grey. Batoum. 15 August 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 29155.

59. Consul Stevens to Edward Grey. Batoum. 3 November 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/129. № 38045.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 декабря 2019 г.

Cadets and British Diplomatic Representatives in Russia: Two Views on Revolutionary Terror in 1905–1907

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 133–140.

DOI: 10.17223/15617793/457/16

Natalia A. Portnyagina, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: n.portnyagina@spbu.ru

Dmitry I. Portnyagin, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). Email: d.portnyagin@spbu.ru

Keywords: revolutionary terror; terrorist acts; British diplomats; Revolution of 1905–1907; Cadets; I and II State Dumas; public opinion of Russia; Arthur Nicholson.

The article is devoted to a problem that domestic and foreign historiography has never studied: it compares the views of the British diplomats and of the Cadets on the revolutionary terror in Russia of the period of the first revolution. For the latter, the British constitutional order was a model to follow. The article is written on the basis of documents deposited in the United Kingdom National Archives (reports and notes of British ambassadors and consuls of this period), most of which were first introduced into scientific discourse, as well as on materials from the Cadet periodicals, materials from the Cadet congresses, and verbatim reports of the I and II State Dumas. The article uses a historical-typological method (for classifying opinions, characteristics of publications in the press), a historical-genetic method (in its content most relevant to the principle of historicism, helping to identify the causes of negative perception of terror by British diplomats), chronological, comparative, and systemic methods. The chronological scope of the study is limited to 1905–1907, when the revolutionary terror in Russia reached its peak. The study showed that, in the years 1905–1907, terror affected not only Russian citizens, but also British subjects, including representatives of the diplomatic service. The analysis of diplomatic correspondence revealed that the British, unlike the Russian left-wing liberals, were extremely negative about the revolutionary terror because it prevented the two countries from coming closer and signing a foreign policy agreement between them. British diplomats believed then that it was preferable to carry out the reform of Russia in a constitutional manner, while remaining within the law; therefore, they perceived revolutionary violence as hostile. They welcomed the decisive actions of the government to suppress terror and regarded the softness of the authorities as the reason for its incredible scope. The British even perceived the introduction of field courts by Prime Minister Pyotr Stolypin, aimed primarily against terrorists, as an adequate measure to combat such “evil” as terror. The British commitment to the rule of law was alien to left-wing liberals in Russia. They believed that in the struggle for a constitutional order, similar to the British, it was possible to use any means. The Cadets used revolutionary terror in the struggle for power, creating heroic images of terrorists on the pages of their press. In the I and II Dumas, it was the Cadets who blocked the procedure of condemning terror initiated by right-wing deputies. Their attitude towards terror seriously impeded liberal reforms. The author believes that the Cadets were more passionate about the struggle than about the idea of transforming the country. Meanwhile, their excessive inclination to fight the government, their unwillingness to seek a compromise with it in the creation of a new Russia, their following abstract theories caused misunderstanding on the part of British diplomats, who were also adherents of the liberal idea.

REFERENCES

1. Budnitskiy, O.V. (2000) *Terrorizm v rossiyskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.* [Terrorism in the Russian Liberation Movement: Ideology, ethics, psychology. Second half of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
2. Leonov, M.I. (1997) *Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1905–1907 gg.* [Party of Socialist Revolutionaries in 1905–1907]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
3. Morozov, K.N. (1998) *Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1907–1914 gg.* [Party of Socialist Revolutionaries in 1907–1914]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
4. Gorodnitskiy, R.A. (1998) *Boevaya organizatsiya partii sotsialistov-revolutsionerov v 1901–1911 gg.* [The Militant Organization of the Socialist Revolutionary Party in 1901–1911]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
5. Kvasov, O.N. (2000) *Terroristicheskaya deyatel'nost' revolyutsionerov Tsentral'nogo Chernozem'ya v nachale XX veka* [Terrorist Activities of the Revolutionaries of the Central Black Earth Region at the Beginning of the 20th century]. Abstract of History Cand. Diss. Voronezh.
6. Rybkin, A.A. (2007) *Politicheskyy terrorizm v provintsii v 1905–1907 gg.: na materialakh Kostromskoy, Tverskoy, Yaroslavskoy guberniy* [Political Terrorism in the Provinces in 1905–1907: On the materials of Kostroma, Tver, Yaroslavl Provinces]. History Cand. Diss. Kostroma.
7. Serebrennikov, I.P. (2000) *Politicheskyy terror i ekspropriatorskaya deyatel'nost' revolyutsionnykh partiy i organizatsiy v Vostochnoy Sibiri v 1900 – fevrale 1917 gg.* [Political Terror and Expropriatory Activities of Revolutionary Parties and Organizations in Eastern Siberia in 1900 – February 1917]. History Cand. Diss. Irkutsk.
8. Suvorov, A.I. (1999) *V protivoborstve s terroristami (iz istorii bor'by pravookhranitel'nykh organov dorevolutsionnoy Rossii s politicheskim terrorizmom)* [In the Confrontation with Terrorists (From the history of the law enforcement agencies of pre-revolutionary Russia fight against political terrorism)]. Moscow: Yuniti-Dana.
9. Suchkov, E.N. (2008) *Tsentral'nyy apparat i mekhanizmy upravleniya politicheskim syskom Rossiyskoy imperii v 1898–1917 gg.* [The Central Apparatus and Mechanisms of Management of the Political Investigation of the Russian Empire in 1898–1917]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
10. Troshin, N.V. (2000) *Administrativno-politseyskie organy tsarskoy Rossii v bor'be s ekstremizmom i terrorom vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov* [Administrative and Police Bodies of Tsarist Russia in the Fight Against Extremism and Terror in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Vladimir.
11. Petukhov, V.B. (2010) *Informatsionnyy diskurs terrorizma v kontekste khudozhestvennoy refleksii* [Information Discourse of Terrorism in the Context of Artistic Reflection]. Moscow: URSS.
12. Portnyagina, N.A. & Patrikeeva, O.A. (2017) The revolutionary terror in Russia: influence on the process and results of the Duma election campaigns (1905–1907). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 423. pp. 144–149. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/423/20
13. Noskov, M.A. (2011) *Rossiyskiy terrorizm nachala XX veka v vospriyatii obshchestva* [Russian Terrorism of the Early 20th Century in the Perception of Society]. History Cand. Diss. Moscow.

14. Pazin, R.V. (2015) *Revolutsionnyy terrorizm i liberalizm v Rossii nachala XX v.* [Revolutionary Terrorism and Liberalism in Russia at the Beginning of the 20th Century]. History Cand. Diss. Samara.
15. Portnyagina, N.A. (2014) "It's impossible to combine the constitution with violence...": Octobrists' views on terror during the revolution of 1905–1907. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. 2 (4). pp. 191–200. (In Russian).
16. Portnyagina, N.A. (2014) "The party couldn't afford to abuse the terrorists": political terror in an assessment of cadet party during revolution of 1905–1907. *Vestnik slavyanskikh kul'tur – Bulletin of Slavic Cultures*. T. 31 (1), № 1. pp. 30–37. (In Russian).
17. Geyfman, A. (1997) *Revolutsionnyy terror v Rossii. 1894–1917* [Revolutionary terror in Russia. 1894–1917]. Moscow: KRON-PRESS.
18. United Kingdom National Archives. FO 371/127. No. 26849. *A. Nicolson to Edward Grey. 28 July 1906.*
19. Pavlov, D. (ed.) (1994) *Protokoly Tsentral'nogo Komiteta i zagranichnykh grupp konstitutsionno-demokraticeskoy partii* [Protocols of the Central Committee and Foreign Groups of the Constitutional Democratic Party]. Vol. 1. Moscow: Progress – Akademiya.
20. Golitsyn, M.V. (2007) *Moi vospominaniya (1873–1917)* [My Memoirs (1873–1917)]. Moscow: Russkiy mir: zhizn' i mysl'.
21. Lezhneva, O.N. (ed.) (1997) *S'ezdy i konferentsii konstitutsionno-demokraticeskoy partii* [Congresses and Conferences of the Constitutional Democratic Party]. Vol. 1. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
22. Portnyagina, N.A. (2015) [Revolutionary terror in the assessment of the cadet faction of the State Duma of the second convocation]. *Tavrisheskie chteniya 2014. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [Tauride readings 2014. Topical problems of parliamentarism: history and modernity]. Proceedings of the International Conference. Vol. 1. Saint Petersburg. 11–12 December 2014. Saint Petersburg: ElekSis. pp. 185–193. (In Russian).
23. *Rech'*. (1906) 28 February.
24. *Rech'*. (1906) Amnistiya [Amnesty]. 3 May.
25. Gredskul, N.A. (1906) Politicheskoe litsemerie [Political hypocrisy]. *Rech'*. 12 May.
26. Nicolson, H. (1937) *Sir Arthur Nicolson. First Lord Carnock. A Study in the Old Diplomacy*. London: Constable & Co Ltd.
27. Neilson, K. (1987) "My Beloved Russians": Sir Arthur Nicolson and Russia, 1906–1916. *The International History Review*. 9 (4). pp. 521–554.
28. Hughes, M. (2000) *Diplomacy before the Russian Revolution. Britain, Russia and the Old Diplomacy, 1894–1917*. N.Y.: St. Martin's Press.
29. United Kingdom National Archives. PRO 30/81/13. *Nicolson's journal as ambassador, St. Petersburg. 6 August 1906.*
30. Wallace, D.M. (1905) *Russia*. London: Cassel and Company.
31. United Kingdom National Archives. FO 371/320. No. 2247. *A. Nicolson to Edward Grey. 9 January 1907.*
32. Polyanskiy, N.N. (1934) *Epopeya voenno-polevykh sudov* [The Epic of Military Courts]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo o-va politkatorzhan i ssyl'noposelentsev.
33. United Kingdom National Archives. FO 371/127. No. 24889. *Consul-General Murray to A. Nicolson. 13 July 1906.*
34. United Kingdom National Archives. FO 371/128. No. 31666. *Consul-General Murray to Sir Edward Grey. Warsaw. 17 September 1906.*
35. United Kingdom National Archives. FO 371/128. No. 31666. *Edward Grey to A. Nicolson. 19 September 1906.*
36. United Kingdom National Archives. FO 371/318. No. 20735. *A. Nicolson to Edward Grey. Summary of Events in Russia during the Fortnight ending, 19 June 1907 (Bentinck C.H.).*
37. United Kingdom National Archives. FO 371/127. No. 28259. *Vice-Consul Urquhart to Sir A. Nicolson. Baku. 1 August 1906.*
38. United Kingdom National Archives. FO 371/127. No. 31323. *A. Nicolson to Edward Grey. 10 September 1906.*
39. United Kingdom National Archives. FO 371/129. No. 34152. *Joseph Gardner to Principal Secretary of State for Foreign Affairs. Liverpool, 8 October 1906.*
40. United Kingdom National Archives. FO 371/129. No. 36888. *A. Nicolson to Edward Grey. 30 October 1906.*
41. United Kingdom National Archives. FO 371/129. No. 33967. *Council Woodhouse to Sir Edward Grey. Riga. 4 October 1906.*
42. United Kingdom National Archives. FO 371/128. No. 28583. *Consul-General Murray to A. Nicolson. Warsaw. 16 August 1906.*
43. United Kingdom National Archives. FO 371/320. No. 1621. *Consul-General Smith to Sir E. Grey. Odessa. 10 January 1907.*
44. United Kingdom National Archives. FO 371/128. No. 29415. *Nicolson A. to Edward Grey. 26 August 1906.*
45. United Kingdom National Archives. FO 371/320. No. 17868. *Council Woodhouse to Sir Edward Grey. Riga. 28 May 1907.*
46. United Kingdom National Archives. FO 371/127. No. 30811. *Consul-General Bagge to Edward Grey. Odessa. 6 September 1906.*
47. United Kingdom National Archives. FO 371/318. No. 18927. *Consul Medhurst to Edward Grey. Rostov on Don. 1 September 1906.*
48. A. Nicolson to Edward Grey. Summary of Events in Russia for the Fortnight ended. 6 June 1907. (Claud Russell).
49. United Kingdom National Archives. FO 371/129. No. 38678. *Council Woodhouse to Sir Edward Grey. Riga. 12 November 1906.*
50. United Kingdom National Archives. FO 371/318. No. 8615. *A. Nicolson to Edward Grey. Summary of Events for the fortnight ended 14 Mart 1907. (Claud Russell).*
51. United Kingdom National Archives. FO 371/128. No. 32934. *A. Nicolson to Edward Grey. 25 September 1906.*
52. United Kingdom National Archives. FO 371/128. No. 29749. *A. Nicolson to Edward Grey. 30 August 1906.*
53. United Kingdom National Archives. FO 371/127. No. 26845. *Consul-General A. Murray to A. Nicolson. Warsaw. 24 July 1906.*
54. United Kingdom National Archives. FO 371/128. No. 31324. *A. Nicolson to Edward Grey. 10 September 1906.*
55. United Kingdom National Archives. FO 371/318. No. 571. *A. Nicolson to Edward Grey. 1 January 1907.*
56. United Kingdom National Archives. FO 371/128. No. 30374. *A. Nicolson to Edward Grey. 7 September 1906.*
57. United Kingdom National Archives. FO 371/129. No. 36316. *A. Nicolson to Edward Grey. 14 September 1906. Telegram No. 690.*
58. United Kingdom National Archives. FO 371/128. No. 29155. *Consul Stevens to Edward Grey. Batoum. 15 August 1906.*
59. United Kingdom National Archives. FO 371/129. No. 38045. *Consul Stevens to Edward Grey. Batoum. 3 November 1906.*

Received: 04 December 2019